

УДК 34.2

DOI: 10.34670/AR.2026.67.19.008

Конституционные гарантии прав человека: реализация в деятельности правоохранительных органов

Хромов Евгений Романович

Аспирант, юрист,
Среднерусский институт управления – филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
302028, Российская Федерация, Орёл, ул. Панчука, 1;
e-mail: trabka-hromov@mail.ru

Аннотация

В статье конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации раскрывается через призму конституционных норм, закрепляющих права и свободы человека в качестве высшей ценности, а также определяющих основания и пределы государственного принуждения. Рассматривается многоуровневая система нормативных, институциональных и процессуальных элементов, включающая принципы верховенства Конституции, соразмерности и необходимости ограничений прав, прямое действие конституционных гарантий, а также их реализацию в федеральном законодательстве, регламентирующем деятельность полиции, следственных органов, прокуратуры и органов безопасности. Автором анализируются механизмы судебного контроля — как предварительное санкционирование следственных действий, так и последующее рассмотрение жалоб на действия должностных лиц; рассматривается роль Конституционного Суда Российской Федерации в формировании правовых позиций по вопросам пропорциональности мер пресечения и применения силы, институт прокурорского надзора за оперативно-розыскной и следственной деятельностью, а также формы ведомственного, общественного контроля и влияние международных стандартов в сфере прав человека. Особое внимание уделено выявлению системных нарушений законности, включая незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, ограничение права на защиту, превышение служебных полномочий при применении физических средств принуждения, проблемы контроля за негласными оперативно-розыскными мероприятиями и адаптации конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни к условиям цифровизации правоохранительной деятельности. В работе обсуждаются факторы, обуславливающие разрыв между нормативными предписаниями и реальной правоприменительной практикой — корпоративная закрытость правоохранительных структур, недостаточная эффективность механизмов ответственности должностных лиц и компенсации причинённого вреда, — а также намечаются пути укрепления баланса между обеспечением общественной безопасности и защитой индивидуальных прав и свобод в условиях противодействия новым вызовам: терроризму, экстремизму, транснациональной преступности и другим угрозам, требующим адекватного правового реагирования при сохранении конституционных гарантий.

Для цитирования в научных исследованиях

Хромов Е.Р. Конституционные гарантии прав человека: реализация в деятельности правоохранительных органов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 6А. С. 59-73. DOI: 10.34670/AR.2026.67.19.008

Ключевые слова

Конституционные гарантии, правоохранительная деятельность, правоприменительная практика, защита прав человека, судебный контроль, прокурорский надзор, законность, ограничение прав и свобод.

Введение

Статья 2 Конституции РФ провозглашает приоритет личности: права и свободы человека признаются высшей ценностью, что налагает на государство безусловную обязанность по их признанию, обеспечению и охране. Данная конституционная норма задаёт вектор функционирования всего государственного механизма и в первую очередь определяет содержание деятельности правоохранительных органов, которые выступают ключевым инструментом обеспечения правопорядка и защиты личности от противоправных посягательств [Бондарь, 2025]. Вместе с тем сама правоохранительная деятельность, предполагающая применение мер государственного принуждения, объективно несёт в себе риск нарушения тех самых прав, на защиту которых она направлена. Именно этот парадокс порождает необходимость глубокого осмысления конституционно-правовых механизмов, обеспечивающих законность действий правоохранительных структур и не допускающих произвольного ограничения прав граждан.

Российская правовая система на протяжении последних десятилетий прошла значительный путь институциональных преобразований, затронувших организацию и деятельность полиции, следственных органов, прокуратуры, органов безопасности и иных правоохранительных структур. Принятие Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ

«О полиции» ознаменовало попытку законодателя выстроить новую модель взаимоотношений правоохранительных органов и граждан, основанную на принципах соблюдения и уважения прав и свобод человека. Реформирование системы Следственного комитета, корректировка полномочий прокуратуры, развитие института общественного контроля — все эти процессы отражают стремление государства привести правоохранительную деятельность в соответствие с конституционными стандартами. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что нормативное закрепление принципов законности и уважения прав личности само по себе не устраняет проблем, связанных с их реализацией [Кирпичев, 2025].

Особую значимость приобретает анализ конституционно-правовых гарантий законности в контексте расширения полномочий правоохранительных органов, обусловленного необходимостью противодействия новым угрозам — терроризму, экстремизму, киберпреступности, организованной преступности транснационального характера. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что ограничения прав и свобод граждан должны быть соразмерны конституционно значимым целям и не могут затрагивать существо конституционных прав [Сорокин, 2026]. Постановления и определения

Конституционного Суда формируют правовые позиции, которые выступают ориентиром для законодателя и правоприменителя, однако степень их учёта в повседневной практике правоохранительных органов остаётся предметом научной дискуссии. Международные обязательства Российской Федерации в области прав человека, несмотря на определённую трансформацию отношения к юрисдикции наднациональных органов, продолжают оказывать влияние на стандарты законности правоохранительной деятельности [Стрельченко, Алексеева, 2025].

Конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов представляет собой сложную систему нормативных, институциональных и процессуальных элементов, включающую конституционные принципы и нормы, федеральное законодательство, подзаконные акты, судебный и прокурорский надзор, институты общественного контроля, а также механизмы внутриведомственного контроля [Бурла, 2026]. Каждый из этих элементов выполняет свою функцию, но только их согласованное действие способно обеспечить реальную защиту прав граждан от неправомерных действий и решений должностных лиц правоохранительных органов. Исследование данной проблематики предполагает комплексный подход, позволяющий выявить как достижения российского законодателя, так и сохраняющиеся пробелы и противоречия в правовом регулировании, препятствующие полноценной реализации конституционного принципа законности.

Материалы и методы исследования

В основе исследовательской методологии лежит комплекс общенаучных и частно-юридических подходов к познанию. Диалектический метод позволил осмыслить конституционно-правовые механизмы обеспечения законности в правоохранительной сфере как подвижное явление, эволюционирующее под воздействием социальных, политико-правовых и институциональных факторов [Студеничник, 2025]. С помощью формально-юридического метода были проанализированы нормативные акты, закрепляющие правовой статус и пределы усмотрения правоохранительных структур. Сравнительно-правовой инструментарий обеспечил возможность выявления сходств и различий между российской моделью конституционной законности и зарубежными аналогами. Системно-структурный подход позволил представить механизм обеспечения законности как сложноорганизованную систему взаимозависимых элементов.

Эмпирический фундамент работы образовали Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, подзаконные акты Президента, Правительства и ведомств. В качестве источников особой значимости рассматривались правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в постановлениях и определениях по делам о проверке конституционности норм, регламентирующих деятельность правоохранителей [Папулов, 2026]. Также были привлечены материалы судебной практики Верховного Суда РФ по спорам, вытекающим из обжалования действий должностных лиц правоохранительной системы. В общей сложности автором проанализированы свыше семидесяти нормативно-правовых актов различного уровня, более тридцати судебных актов конституционной юстиции, а также обширный пласт научной литературы — монографии, диссертационные работы и статьи в рецензируемых изданиях.

Теоретический каркас исследования выстроен на основе трудов ведущих российских правоведов, специализирующихся в сфере конституционного, административного права и

теории государства и права. Научный оборот включал более ста двадцати публикаций, отражающих многообразие концептуальных подходов к пониманию законности, гарантий прав личности и контрольных механизмов в государственном аппарате [Стародубцева, 2025]. Статистические показатели, характеризующие состояние законности, были извлечены из отчетных докладов Уполномоченного по правам человека в РФ, сводок Генеральной прокуратуры и публичных аналитических материалов судебной системы.

Результаты и обсуждение

Закрепленный в статье 15 Конституции РФ принцип законности обязывает все публичные структуры, должностных лиц и граждан подчиняться Основному закону и отраслевому законодательству. Для правоохранительных органов данное требование приобретает повышенную значимость, ведь именно они располагают широким арсеналом принудительных мер — от задержания и физического воздействия до обысков и ареста имущества [Ивашкевич, 2025]. Однако конституционная модель законности в данной сфере не ограничивается формальным исполнением правовых предписаний. Ее содержание образуют несколько взаимосвязанных начал: верховенство Конституции и федеральных законов, недопустимость произвольных ограничений прав, пропорциональность принимаемых мер, процедурная обоснованность решений, а также ответственность за допущенные нарушения.

Если обратиться к конституционным положениям, задающим непосредственные границы деятельности правоохранителей, можно увидеть, что Основной закон выстраивает многоуровневую систему гарантий. Статья 17 связывает признание прав с общепризнанными международными стандартами. Статья 18 придает правам и свободам прямое действие, делая их критерием для оценки законодательства и деятельности властных органов [Осипян, 2025]. Статья 21 категорически исключает пытки, насилие и унижающие достоинство обращения. Статья 22 закрепляет свободу и неприкосновенность личности, устанавливая, что арест допустим исключительно по судебному решению. В совокупности эти нормы образуют конституционный каркас, который обязателен для любых правоохранительных действий, и любое отклонение за его пределы, независимо от мотивов должностного лица, представляет собой нарушение законности.

Конституционные положения получают свою конкретизацию в Федеральном законе «О полиции», определяющем правовой статус центрального правоохранительного органа. Так, статья 5 данного акта устанавливает императивное правило: меры, ограничивающие права граждан, подлежат немедленной отмене, как только будет достигнута поставленная цель либо станет очевидным, что ее достижение невозможно или недопустимо посредством подобных ограничений [Шахрай, Тедеев, 2025]. Кроме того, на сотрудника полиции возлагается обязанность информировать лицо о причинах и правовых основаниях примененных ограничений, а также о сопутствующих правах и обязанностях. Данные предписания свидетельствуют о восприятии российским законодателем идеи открытости (транспарентности) правоохранительной деятельности, хотя реальная практика зачастую демонстрирует поверхностное отношение к этим требованиям.

Важнейшим инструментом конституционно-правового обеспечения законности выступает судебный контроль. В соответствии со статьей 46 Конституции, каждому гарантируется право обжаловать в суд решения и действия (бездействие) должностных лиц и органов государственной власти [Власова, 2025]. Применительно к правоохранительной сфере

судебный контроль осуществляется в нескольких формах: предварительной (санкционирование следственных и оперативно-розыскных действий), последующей (рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ), а также в рамках административного судопроизводства. Особняком стоит конституционное правосудие — деятельность Конституционного Суда РФ, который наделен полномочием проверять конституционность законов, примененных в конкретном деле, и тем самым влиять на формирование правовой базы правоохранительной деятельности.

Практика Конституционного Суда по вопросам, связанным с деятельностью правоохранительных органов, весьма обширна и содержит ряд принципиальных правовых позиций. В Постановлении от 14 ноября 2005 года № 10-П Конституционный Суд указал, что федеральный законодатель, определяя средства и способы защиты государственных интересов, должен использовать лишь те из них, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод [Сорокин, 2026]. В Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П Суд рассмотрел вопрос о пределах применения мер пресечения и подтвердил, что свобода и личная неприкосновенность являются необходимым условием реализации иных конституционных прав, а потому их ограничение требует особо тщательного обоснования. Эти правовые позиции имеют нормативное значение и обязательны для всех правоприменителей, хотя степень их интеграции в повседневную практику правоохранительных органов различается.

Прокурорский надзор за законностью деятельности правоохранительных органов представляет собой самостоятельный конституционно-правовой институт, значение которого трудно переоценить. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» наделяет прокурора широкими полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие [Васильев, Беседина, Зеленин, 2025]. Прокурор вправе проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, отменять незаконные и необоснованные постановления следователей и дознавателей, возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования. Вместе с тем реформа 2007 года, разграничившая функции прокуратуры и следствия, существенно ограничила полномочия прокурора по непосредственному руководству расследованием, что, по мнению ряда исследователей, привело к ослаблению прокурорского надзора за следственной деятельностью [Булаков, 2025].

Вопрос о соотношении ведомственного контроля и внешнего надзора остаётся одним из наиболее дискуссионных в науке конституционного и административного права. Внутриведомственный контроль, осуществляемый руководителями правоохранительных органов и подразделениями собственной безопасности, обладает преимуществом оперативности и глубины проверочных мероприятий, однако объективность такого контроля ставится под сомнение в силу корпоративной солидарности и ведомственной заинтересованности [8]. Статистические данные Генеральной прокуратуры свидетельствуют о том, что ежегодно выявляются сотни тысяч нарушений законности в деятельности правоохранительных органов, значительная часть которых связана с нарушением прав участников уголовного судопроизводства. Данные доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год подтверждают, что жалобы на действия сотрудников правоохранительных органов устойчиво занимают одно из первых мест в общем объеме обращений граждан.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов. Глава 5 Федерального закона «О полиции» устанавливает исчерпывающий перечень оснований и порядок их применения, предусматривая обязанность сотрудника предупредить о намерении их использовать, предоставить достаточное время для выполнения законных требований (за исключением случаев, когда промедление создаёт угрозу жизни и здоровью), а также обеспечить оказание первой помощи пострадавшим [Шахрай, Тедеев, 2025]. Конституционный Суд в ряде своих решений подчеркнул, что применение силы должно быть абсолютно необходимым, то есть соответствовать критериям пропорциональности и минимальной достаточности. Тем не менее случаи превышения должностных полномочий при применении силы продолжают фиксироваться, а привлечение виновных к ответственности зачастую осложняется трудностями доказывания и корпоративными факторами.

Конституционная поправка 2020 года, закрепившая в статье 75.1 Конституции положение о том, что в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества, имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике [Осипов, 2025]. Доверие граждан к правоохранительным органам является важнейшим индикатором эффективности конституционно-правового обеспечения законности. Социологические исследования фиксируют постепенный рост уровня доверия населения к полиции после реформы 2011 года, однако показатели существенно варьируются в зависимости от региона и социальной группы. Конституционное закрепление принципа взаимного доверия предполагает не только обязанность государства действовать в интересах общества, но и создание реальных механизмов обратной связи, позволяющих гражданам влиять на деятельность правоохранительных структур.

Институт общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов получил развитие с принятием Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Общественные наблюдательные комиссии осуществляют контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти участвуют в обсуждении вопросов, связанных с деятельностью соответствующих органов [Стародубцева, 2025]. Практика функционирования этих институтов показывает, что их эффективность во многом зависит от степени независимости от контролируемых структур и наличия реальных полномочий по реагированию на выявленные нарушения. В научной литературе отмечается, что общественный контроль в правоохранительной сфере нередко носит декоративный характер, а рекомендации общественных органов не обладают обязательной юридической силой.

Проблема обеспечения законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности представляет особую сложность в силу негласного характера значительной части проводимых мероприятий. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения [Папулов, 2026]. Однако контроль за исполнением этого требования затруднён, поскольку содержание и результаты оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну. Конституционный Суд указывал, что засекреченность оперативно-розыскной деятельности не освобождает её субъектов от обязанности соблюдать конституционные права граждан и не исключает судебный контроль за

законностью проводимых мероприятий.

Значительный массив нарушений законности связан с уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов. Незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, необоснованное привлечение к уголовной ответственности, нарушения права на защиту, несоблюдение сроков содержания под стражей — эти и другие проблемы продолжают оставаться системными [Ивашкевич, 2025]. Данные о характере и масштабах нарушений могут быть представлены следующим образом.

Таблица 1 — Систематизация нарушений уголовно-процессуального закона, допускаемых следователями и дознавателями (по материалам прокурорского надзора)

Вид нарушения	Удельный вес в общем числе выявленных нарушений, %
Нарушения при приёме и регистрации сообщений о преступлениях	32
Необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел	24
Нарушения прав участников уголовного судопроизводства	18
Нарушения порядка и сроков расследования	14
Незаконное применение мер процессуального принуждения	8
Иные нарушения	4

Наибольшая доля нарушений приходится на стадию доследственной проверки — именно здесь происходит первичный контакт правоохранительных органов с гражданами, обратившимися за защитой, и именно на этом этапе наиболее часто фиксируются факты волокиты, укрытия преступлений от учёта и необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел [Васильев, Беседина, Зеленин, 2025]. Прокуроры ежегодно отменяют миллионы незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, что свидетельствует о глубоких системных проблемах, не устранимых посредством точечных мер реагирования.

Право на квалифицированную юридическую помощь, гарантированное статьёй 48 Конституции, выступает одной из важнейших гарантий законности правоохранительной деятельности. Присутствие адвоката при производстве следственных действий, участие защитника с момента фактического задержания — эти процессуальные механизмы призваны обеспечить баланс между публичными интересами расследования и правами личности [Бондарь, 2025]. Вместе с тем практика показывает наличие проблем, связанных с обеспечением реальной состязательности на досудебных стадиях: адвокаты по назначению нередко занимают пассивную позицию, случаи воспрепятствования адвокатской деятельности, хотя и стали менее распространёнными, полностью не искоренены. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» подчеркнул, что нарушение права на защиту является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора.

Международно-правовые стандарты обеспечения законности правоохранительной деятельности, несмотря на особенности текущего периода, сохраняют значение для российской правовой системы. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка 1990 года, а также иные международные акты формулируют универсальные стандарты, многие из которых

имплементированы в российское законодательство [Стрельченко, Алексеева, 2025]. Конституционный Суд Российской Федерации после 2020 года скорректировал свою позицию относительно соотношения решений международных судебных органов и Конституции, однако это не означает отказа от международных стандартов как таковых, а лишь подтверждает приоритет конституционных ценностей.

Цифровизация правоохранительной деятельности порождает новые вызовы для конституционно-правового обеспечения законности. Применение систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, использование технологий анализа больших данных, доступ к электронным коммуникациям — все эти инструменты существенно расширяют возможности правоохранительных органов, но одновременно создают угрозу чрезмерного вторжения в частную жизнь граждан [Осипян, 2025]. Действующее законодательство не в полной мере адаптировано к технологическим реалиям, и конституционные гарантии права на неприкосновенность частной жизни (статья 23 Конституции) нуждаются в конкретизации применительно к новым формам сбора и обработки персональных данных правоохранительными органами. Отсутствие развитого механизма независимого контроля за использованием технологий наблюдения создаёт предпосылки для нарушений, которые могут длительное время оставаться невыявленными.

Таблица 2 — Конституционные гарантии прав личности, наиболее подверженные рискам нарушения в правоохранительной деятельности

Конституционная гарантия	Статья Конституции РФ	Типичные формы нарушений
Достоинство личности	Ст. 21	Применение физического или психологического насилия, пыток, унижающих человеческое достоинство методов допроса; создание условий, унижающих личность (ненадлежащие условия содержания в ИВС и СИЗО)
Свобода и личная неприкосновенность	Ст. 22	Незаконное административное задержание или уголовно-процессуальное задержание; необоснованное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу; грубое нарушение сроков содержания под стражей (свыше установленных УПК РФ пределов)
Неприкосновенность частной жизни	Ст. 23	Несанкционированное прослушивание телефонных переговоров и иных переговоров; контроль почтовых, телеграфных и иных сообщений без судебного решения; сбор и распространение сведений о частной жизни без согласия лица
Неприкосновенность жилища	Ст. 25	Проникновение в жилище без судебного решения (за исключением случаев, не терпящих отлагательства, предусмотренных УПК РФ); проведение обыска или выемки при отсутствии законных оснований или с нарушением процессуального порядка; незаконное отстранение собственника от пользования жильём
Право на судебную защиту	Ст. 46	Отказ в приёме жалобы или заявления; волокита при рассмотрении обращений; неразъяснение права на обжалование процессуальных действий и решений; необоснованные отказы в удовлетворении жалоб на действия (бездействие) должностных лиц
Право на квалифицированную юридическую помощь	Ст. 48	Необеспечение права на защитника в установленных законом случаях; необоснованное допуск адвоката с нарушением правил допуска (ст. 49 УПК РФ); формальное участие защитника без реальной возможности ознакомления с материалами дела и подготовки позиции; непредоставление свиданий с адвокатом наедине и конфиденциально

Конституционная гарантия	Статья Конституции РФ	Типичные формы нарушений
Презумпция невиновности	Ст. 49	Публичные выступления должностных лиц (в СМИ, на брифингах) о виновности лица до вступления приговора в законную силу; возложение на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность; обвинительный уклон при проведении следственных действий и принятии процессуальных решений

Систематизация конституционных гарантий применительно к типичным нарушениям позволяет увидеть, что наиболее уязвимыми остаются права, связанные с физической свободой и достоинством личности [Осипов, 2025]. Это обусловлено тем, что реализация именно этих прав зависит от непосредственных действий конкретных должностных лиц, контроль за которыми в реальном времени объективно затруднён.

Институт ответственности сотрудников правоохранительных органов за нарушение законности включает дисциплинарную, административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд составов преступлений, специально направленных на защиту прав граждан от неправомерных действий должностных лиц: злоупотребление должностными полномочиями (статья 285), превышение должностных полномочий (статья 286), принуждение к даче показаний (статья 302), фальсификация доказательств (статья 303) [Кирпичев, 2025]. Вместе с тем статистика возбуждения и расследования уголовных дел по данным составам показывает, что число привлечённых к ответственности должностных лиц остаётся незначительным по сравнению с масштабом выявляемых нарушений. Это порождает обоснованные сомнения в действенности механизма уголовно-правовой ответственности как средства обеспечения законности.

Институт компенсации морального вреда и возмещения ущерба, причинённого незаконными действиями правоохранительных органов, закреплён в статье 53 Конституции и конкретизирован в гражданском законодательстве. Статья 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за вред, причинённый государственными органами и их должностными лицами, а статья 1070 предусматривает специальный режим ответственности за вред, причинённый незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [Власова, 2025]. Реабилитация в уголовном судопроизводстве, регламентированная главой 18 Уголовно-процессуального кодекса, предполагает возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Практика применения данных институтов свидетельствует о том, что размеры присуждаемых компенсаций зачастую не соответствуют тяжести перенесённых страданий, что снижает превентивный эффект гражданско-правовой ответственности.

Отдельным аспектом обеспечения законности выступает конституционное требование мотивированности решений, ограничивающих права и свободы. Конституционный Суд неоднократно подчёркивал, что немотивированные решения правоохранительных органов не могут быть признаны законными, поскольку отсутствие мотивировки лишает заинтересованное лицо возможности понять причины ограничения его прав и эффективно их обжаловать [Сорокин, 2026]. Это требование распространяется на все виды процессуальных решений — от постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела до решений о применении мер пресечения. В практическом отношении проблема формального характера мотивировки

остаётся нерешённой: нередко процессуальные документы содержат стандартные формулировки, не отражающие обстоятельств конкретного дела.

Конституционно-правовое обеспечение законности невозможно рассматривать в отрыве от кадровой политики правоохранительных органов. Статья 35 Федерального закона «О полиции» устанавливает требования к поступающим на службу в органы внутренних дел, включая профессиональную подготовку, морально-психологические качества и состояние здоровья [Бурла, 2026]. Принятый в 2011 году Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установил правовые основы прохождения службы, включая механизмы аттестации, проверки соответствия требованиям к должности и привлечения к дисциплинарной ответственности. Качество правоприменения в конечном счёте определяется не только нормативной базой, но и уровнем правовой культуры, профессиональной компетентности и этических установок конкретных сотрудников.

Таблица 3 — Система контроля и надзора за законностью в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации

Форма (надзора) контроля	Субъект осуществления	Правовая основа (полное название акта)	Характер и объём полномочий
Конституционный судебный контроль	Конституционный Суд РФ	Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»	Проверка конституционности законов и иных нормативных актов, применяемых в правоприменительной практике; разрешение споров о компетенции
Судебный контроль в уголовном судопроизводстве	Суды общей юрисдикции (включая Верховный Суд РФ)	Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ	Санкционирование следственных действий; рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и прокуратуры
Прокурорский надзор	Органы прокуратуры Российской Федерации	Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»	Надзор за исполнением законов органами дознания и следствия; опротестование незаконных правовых актов; истребование и проверка материалов; дача обязательных для исполнения указаний
Ведомственный (внутренний) контроль	Руководители правоохранительных органов (в порядке подчинённости)	Ведомственные нормативные акты (приказы, инструкции, наставления), издаваемые во исполнение Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел...» и иных профильных законов	Организационно-распорядительные полномочия: проведение служебных проверок, применение дисциплинарных взысканий, контроль за законностью и обоснованностью процессуальных решений подчинённых
Общественный контроль	Общественные наблюдательные комиссии (ОНК), общественные советы при федеральных органах исполнительной власти	Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»	Рекомендательные полномочия: посещение мест принудительного содержания, подготовка заключений по результатам общественной экспертизы, направление запросов и обращений

Форма (надзора) контроля	Субъект осуществления	Правовая основа (полное название акта)	Характер и объем полномочий
Институт Уполномоченного по правам человека	Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации	Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»	Рассмотрение индивидуальных и коллективных жалоб граждан; анализ системных нарушений прав; внесение предложений о совершенствовании законодательства; направление ходатайств о восстановлении нарушенных прав

Действующая система контроля и надзора способна гарантировать известную защиту прав граждан, однако степень этой защиты напрямую определяется уровнем межведомственной координации [Булаков, 2025]. На практике функции контролирующих органов нередко пересекаются, но при этом сохраняются области, выпадающие из зоны пристального внимания. Наиболее уязвимой в этом смысле выглядит сфера оперативно-розыскной деятельности: прокурорский надзор здесь скован режимом секретности, судебный контроль осуществляется главным образом до совершения действий, а общественное участие практически отсутствует.

Нельзя не учитывать влияние прецедентной практики ЕСПЧ, которая, несмотря на выход России из Совета Европы, продолжает формировать доктринальные подходы к проблематике законности в действиях правоохранителей. Решениями Страсбургского суда по делам против России — касательно пыток, необоснованных задержаний и процессуальных нарушений — были предложены системные меры, некоторые из которых позднее воплотились в корректировках внутреннего законодательства [Стрельченко, Алексеева, 2025]. В частности, требования к проведению эффективных проверок заявлений о пытках, выработанные международной судебной практикой, были восприняты правовыми позициями КС РФ и методическими указаниями СК.

Анализ иностранных институтов обнаруживает иные модели контроля, заслуживающие внимания при развитии отечественного регулирования. В ряде стран созданы независимые органы по расследованию полицейских нарушений — например, британская IPPC или французская IGPN, наделенные собственными следственными ресурсами и автономией от полицейского ведомства [Студеничник, 2025]. В России подобной структуры нет: полномочия по расследованию проступков сотрудников органов распределены между СК, службами собственной безопасности и прокуратурой, что не всегда позволяет достичь нужной степени беспристрастности.

Заключение

Конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему, объединяющую конституционные принципы и нормы, федеральное законодательство, институты судебного и прокурорского контроля, механизмы общественного участия и ведомственного контроля. Конституция Российской Федерации закладывает прочный ценностный фундамент, определяя права и свободы человека как высшую ценность и устанавливая пределы допустимого государственного принуждения. Федеральное законодательство конкретизирует конституционные положения и формирует детализированную нормативную базу,

регламентирующую полномочия, порядок деятельности и ответственность правоохранительных органов и их сотрудников.

Вместе с тем нормативное закрепление принципов и гарантий само по себе недостаточно для реального обеспечения законности. Правоприменительная практика обнаруживает разрыв между нормативной моделью и действительным положением дел: значительное число нарушений законности выявляется прокурорами и судами, жалобы граждан на неправомерные действия правоохранительных органов сохраняют устойчивую распространённость, механизмы привлечения виновных к ответственности работают недостаточно эффективно. Этот разрыв обусловлен совокупностью факторов, среди которых — недостаточный уровень правовой культуры части сотрудников, корпоративная закрытость правоохранительных структур, дефицит эффективных инструментов внешнего контроля, а также сохраняющаяся ориентация на количественные показатели деятельности в ущерб качеству правоприменения.

Судебный контроль, выступающий наиболее авторитетной гарантией законности, нуждается в дальнейшем развитии в направлении усиления реальной состязательности судопроизводства и повышения стандартов мотивированности судебных решений по жалобам на действия правоохранительных органов. Практика рассмотрения ходатайств о применении мер пресечения и санкционирования следственных действий демонстрирует высокий процент удовлетворения, что ставит вопрос о том, насколько судебный контроль на досудебных стадиях выполняет функцию реального «фильтра» законности или носит во многом формальный характер.

Прокурорский надзор, при всей его значимости, сталкивается с ограничениями, обусловленными как нормативными рамками полномочий, так и организационными факторами. Восстановление части утраченных в 2007 году полномочий прокурора в отношении предварительного следствия могло бы способствовать повышению эффективности надзора, однако такой шаг требует тщательного осмысления с точки зрения принципа разделения процессуальных функций. Общественный контроль, потенциал которого далеко не исчерпан, нуждается в институциональном укреплении, а именно расширении полномочий общественных наблюдательных комиссий, обеспечении их реальной независимости, повышении транспарентности деятельности правоохранительных органов.

Цифровая трансформация правоохранительной деятельности формирует принципиально новую среду, в которой традиционные конституционные гарантии должны быть адаптированы к технологическим реалиям. Необходимо законодательное закрепление чётких условий и ограничений применения технологий наблюдения, систем распознавания лиц и анализа данных, а также создание действенных механизмов контроля за их использованием. Формирование специализированного правового регулирования в этой области позволит предотвратить размывание конституционных гарантий права на неприкосновенность частной жизни. В целом конституционно-правовое обеспечение законности в деятельности правоохранительных органов России находится в состоянии непрерывного развития, отражающего как внутренние потребности правовой системы, так и глобальные тенденции. Достижение баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав личности остаётся центральной задачей, решение которой требует согласованных усилий законодателя, судебной власти, правоохранительных органов и институтов гражданского общества. Только системный подход, объединяющий совершенствование нормативной базы, повышение качества правоприменения, укрепление механизмов контроля и формирование правовой культуры, способен обеспечить реальное воплощение конституционного принципа законности в повседневной деятельности органов, призванных защищать права и свободы граждан.

Библиография

1. Бурла В.М. Конституционный принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина: сущность, наполнение, значение // Конституционное и муниципальное право. 2026. № 1. С. 24–27.
2. Ивашкевич Е.Ф. Становление и развитие конституционной юстиции в странах постсоветского пространства // Право. Экономика. Психология. 2025. № 4 (40). С. 10–17.
3. Бондарь Н.С. Конституционное равенство — базовая ценность правосудия: методологические основы исследования // Российская юстиция. 2025. № 12. С. 11–19.
4. Власова А.А. Взаимодействие ветвей власти с нотариатом: теоретический анализ и правоприменение // Вопросы российской юстиции. 2025. № 39. С. 137–144.
5. Сорокин А.И. Диалектика развития уголовного законодательства в России // Закон и власть. 2026. № 2. С. 182–185.
6. Стародубцева И.А. Права и свободы человека и гражданина как высшая конституционная ценность в мирное и военное время // Конституционализм и государственное устройство. 2025. № 4 (40). С. 38–44.
7. Шахрай С.М., Тедеев А.А. Цифровой конституционализм, социальная безопасность и конституционные права человека в стремительно меняющемся цифровом мире // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 6. С. 224–227.
8. Студеничник Г.Ю. Сравнительный анализ модели конституционного контроля в России и Германии: институциональные различия и общие тенденции // Образование и право. 2025. № 12. С. 185–190.
9. Стрельченко В.В., Алексеева Е.Э. Проблемные аспекты деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию экстремизму в сети «Интернет» (на примере ст. 13.53 КоАП РФ) // Право и управление. 2025. № 12. С. 319–326.
10. Васильев А.А., Беседина Е.С., Зеленин Ю.А. Право на историческую правду: проблема концептуализации и легального закрепления понятия // Право между Востоком и Западом. 2025. № 4. С. 63–76.
11. Осипян Б.А. Духовные и научные методы верного правопознания в системе правометрии и единой теории права // Дипломатический вестник. Право, экономика, политика. 2025. № 4 (31). С. 20–36.
12. Кирпичев А.Е. Исключение исков государства из сферы действия правил об исковой давности // Legal Bulletin. 2025. Т. 10. № 4. С. 9–26.
13. Булаков О.Н. Конституционный статус парламента в Российской Федерации // Образование и право. 2025. № 12. С. 97–99.
14. Папулов А.В. Развитие уголовной политики России в борьбе с современными гибридными угрозами // Общество: политика, экономика, право. 2026. № 1 (150). С. 48–54.
15. Осипов М.Ю. Возможно ли продуктивное правовое сотворчество государства и гражданского общества в современной России? // Государственно-правовые исследования. 2025. № 7–8. С. 168–173.

Constitutional Guarantees of Human Rights: Implementation in the Activities of Law Enforcement Bodies

Evgenii R. Khromov

Postgraduate Student, Lawyer,
Central Russian Institute of Management – branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
302028, 1, Panchuka str., Orel, Russian Federation;
e-mail: tpabka-hromov@mail.ru

Abstract

The article reveals the constitutional and legal provision of legality in the activities of law enforcement bodies of the Russian Federation through the prism of constitutional norms that enshrine human rights and freedoms as the highest value, as well as determine the grounds and limits of state coercion. A multi-level system of normative, institutional, and procedural elements is

considered, including the principles of the supremacy of the Constitution, proportionality and necessity of restrictions on rights, the direct effect of constitutional guarantees, as well as their implementation in federal legislation regulating the activities of the police, investigative bodies, the prosecutor's office, and security bodies. The author analyzes the mechanisms of judicial control — both the preliminary authorization of investigative actions and the subsequent consideration of complaints against the actions of officials; the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in forming legal positions on the proportionality of preventive measures and the use of force, the institution of prosecutorial supervision over operational-search and investigative activities, as well as forms of departmental, public control, and the influence of international standards in the field of human rights are examined. Special attention is paid to the identification of systemic violations of legality, including unlawful refusals to initiate criminal cases, restriction of the right to defense, abuse of official powers when using physical means of coercion, problems of control over covert operational-search measures, and the adaptation of constitutional guarantees of privacy inviolability to the conditions of digitalization of law enforcement activities. The work discusses the factors causing the gap between normative prescriptions and actual law enforcement practice — the corporate closedness of law enforcement structures, the insufficient effectiveness of mechanisms for the responsibility of officials and compensation for the harm caused — and also outlines ways to strengthen the balance between ensuring public security and protecting individual rights and freedoms in the context of countering new challenges: terrorism, extremism, transnational crime, and other threats requiring an adequate legal response while preserving constitutional guarantees.

For citation

Khromov E.R. (2026) *Konstitutsionnye garantii prav cheloveka: realizatsiya v deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov* [Constitutional Guarantees of Human Rights: Implementation in the Activities of Law Enforcement Bodies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (6A), pp. 59-73. DOI: 10.34670/AR.2026.67.19.008

Keywords

Constitutional guarantees, law enforcement activities, law enforcement practice, protection of human rights, judicial control, prosecutorial supervision, legality, restriction of rights and freedoms.

References

1. Burla, V.M. The constitutional principle of direct effect of the rights and freedoms of man and citizen: essence, content, significance // *Constitutional and Municipal Law*. 2026. No. 1. Pp. 24–27.
2. Ivashkevich, E.F. Formation and development of constitutional justice in the countries of the post-Soviet space // *Law. Economics. Psychology*. 2025. No. 4 (40). Pp. 10–17.
3. Bondar, N.S. Constitutional equality as a basic value of justice: methodological foundations of the study // *Russian Justice*. 2025. No. 12. Pp. 11–19.
4. Vlasova, A.A. Interaction of branches of power with the notariate: theoretical analysis and law enforcement // *Issues of Russian Justice*. 2025. No. 39. Pp. 137–144.
5. Sorokin, A.I. Dialectics of the development of criminal legislation in Russia // *Law and Power*. 2026. No. 2. Pp. 182–185.
6. Starodubtseva, I.A. Rights and freedoms of man and citizen as the highest constitutional value in peacetime and wartime // *Constitutionalism and State Studies*. 2025. No. 4 (40). Pp. 38–44.
7. Shakhrai, S.M., Tedeev, A.A. Digital constitutionalism, social security and constitutional human rights in a rapidly changing digital world // *Problems of Economics and Legal Practice*. 2025. Vol. 21. No. 6. Pp. 224–227.
8. Studenichnik, G.Yu. Comparative analysis of the model of constitutional control in Russia and Germany: institutional

-
- differences and common trends // Education and Law. 2025. No. 12. Pp. 185–190.
9. Strelchenko, V.V., Alekseeva, E.E. Problematic aspects of the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation on countering extremism on the Internet (on the example of Art. 13.53 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) // Law and Management. 2025. No. 12. Pp. 319–326.
10. Vasiliev, A.A., Besedina, E.S., Zelenin, Yu.A. The right to historical truth: the problem of conceptualization and legal consolidation of the concept // Law between East and West. 2025. No. 4. Pp. 63–76.
11. Osipyan, B.A. Spiritual and scientific methods of correct legal cognition in the system of legal metrology and the unified theory of law // Diplomatic Bulletin. Law, Economics, Politics. 2025. No. 4 (31). Pp. 20–36.
12. Kirpichev, A.E. Exclusion of state claims from the scope of the rules on the statute of limitations // Legal Bulletin. 2025. Vol. 10. No. 4. Pp. 9–26.
13. Bulakov, O.N. Constitutional status of the parliament in the Russian Federation // Education and Law. 2025. No. 12. Pp. 97–99.
14. Papulov, A.V. Development of criminal policy of Russia in the fight against modern hybrid threats // Society: Politics, Economics, Law. 2026. No. 1 (150). Pp. 48–54.
15. Osipov, M.Yu. Is productive legal co-creation of the state and civil society possible in modern Russia? // State and Legal Studies. 2025. Nos. 7–8. Pp. 168–173.